Сергей Булыга

Вода и сеть

Фантастика приключения детектив

extra

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В море, прямо по курсу на Землю Бородатого Змея, был остров и город. Богатейший город, Богаче и не было на свете. Обязан был город богатством своим АРИХАЛЬКУ. АРИХАЛЬК добывали на острове в рудниках утром, когда АРИХАЛЬК засыпал, по ночам АРИХАЛЬК рос, с ним говорили Колдуны, успокаивали. Колдун предупреждал об опасности, грозившей городу и острову, но Властители не придали значения предсказаниям Колдуна . И настала ночь расплаты...

- Сергей Булыга
  - ○

Сергей Булыга
Арихальк

Если выйти в море и все время держать курс прямо на Землю Бородатого Змея – так в те давние времена называлась Страна Камнеедов… Да, теперь уже мало кто помнит о Змее! А тогда мореходы весьма опасались его. Оно и понятно: Змей каждое лето глотал корабли, а в осенние штормы, в бескормицу, порой выползал и на берег, и вот тогда… Но тем не менее, если не думать о Змее, а все время держать курс в открытое море, то уже на следующий вечер справа по борту вспыхнет огонь. Это маяк; теперь его нет, а тогда он светил далеко, очень ярко, в любой, самый густой туман, был виден просто превосходно, и, говорят, его боялся даже сам Бородатый Змей. Боялись и люди. Но те, которые не боялись, приказывали сечь гребцов; гребцы налегали на весла, и вскоре из-за горизонта показывался берег. Остров. Город.

Берег был крут и скалист, а сам остров весьма невелик – всего в три на четыре крика с небольшим и кругл как монета. Но город… Город был великолепен, вы такого теперь нигде не увидите, пусть даже вам посчастливится достигнуть страны Длинноухих. Вот давайте закроем глаза и представим себе просторные и чистые улицы и сложенные из белого камня дома, величественные дворцы и ухоженные сады, достойных горожан и скромных рабов, представим… Но я, честно признаться, не был в том городе, а только слышал о нем, так что поверьте мне на слово, и я продолжу свой рассказ.

Итак, посреди того великолепного города возвышался еще более великолепный дворец, а в его самой великолепной зале на неслыханно драгоценном троне восседал усталый человек. Полуприкрыв усталые глаза, он размышлял о том, насколько же мудро устроен их мир. И в самом деле: Бескрайний Океан со всех сторон омывает недвижную твердь, недвижная твердь обнимает Срединное море, а то в свой черед покорно плещется у берегов богатейшего города-острова, где мостовые устланы кисейным мрамором, на каждом перекрестке бьет фонтан с живительным хмельным питьем, и даже пыль в последних подворотнях этого чудесного города и та мягка как пух, благоуханна и пленительна на вкус… Но горожане всего этого не замечают, ибо они давно уже привыкли и не к таким чудесам арихалька.

Ну вот, так я и думал: теперь придется объяснять, что же такое арихальк. Арихальк – это всё. Красавицы натирают арихальком щеки, воины посыпают арихальком раны, нерадивым детям дают настой арихалька, нет ничего вкуснее и хмельнее,

нежели сыры из арихалька, а корабли, обшитые листами арихалька, непотопляемы, из арихалька можно выткать кружева и отчеканить полновесные монеты. И, главное, нигде – ни в Бескрайнем море, ни на недвижимой тверди, ни в Срединном море – нигде кроме этого дивного острова арихальк не встречается. Да и на самом-то острове арихальк залегает глубоко под землей, и поэтому чтобы добраться до него, необходимо рыть едва ли не бездонные колодцы – рудники.

Работа на рудниках, как известно, весьма утомительна, и поэтому флот Арихалька – так звался тот чудесный остров – флот Арихалька время от времени выходил на поиски новых рабов. Иногда эти поиски были краткими и успешными, но порой случалось и такое, что слухи обгоняли корабли, и тогда берега становились пустынными на много дней пути вперед и уводили флот в такие пугающе дальние дали, что появлялась прямая опасность падения с земного диска. Однако не было еще такого похода, чтобы корабли Арихалька вернулись ни с чем, и поэтому работы на арихальковых рудниках никогда не прекращались. Трижды два и один главный счет отборных и покорных рабов все глубже и глубже уходил под землю. А город богател.

Нетрудно догадаться, что соседи и не помышляли нападать на счастливый и величественный город – ведь его армия и флот были непобедимы. Да и сам арихальк приносил достаток и блаженство лишь урожденным островитянам, а для всех прочих, варваров и чужеземцев, он был не более чем бесполезным песком или илом.

Как я уже говорил, арихальк произрастал в земле, на большой глубине. Был он прозрачен как хрусталь и податлив как воск. Но если по нему ударить, арихальк тотчас же темнел и становился крепок и тверд. При нагревании он тучнел и оказывался съедобен, а при вымачивании в проточной воде расслаивался на волокна и вязался узлом.

Тут к месту будет вспомнить и легенду о первом арихальке. А было это так. Во времена предположительно Второй Династии один островитянин, простой хлебороб, вдруг заметил, что на его поле появился какой-то диковинный камень – прозрачный и теплый. Кроме того, этот камень заметно, с каждым днем становился все выше и шире, начал мешать посевам. Тогда островитянин выкорчевал его… Да-да, именно выкорчевал, потому что от камня тянулись тонкие прозрачные корни… Выкорчевал и принес домой. Там он безо всякого труда отколол от камня половину – и увидел, что в руках у него кусок бронзы. Пока островитянин думал, что бы это значило, его жена подобрала благоухающие осколки и сварила из них густую и

сытную похлебку. Тогда оставшийся камень засолили впрок, а сам островитянин вернулся в поле и принялся рыть глубокую яму…

Вот так, говорят, и начались арихальковые рудники. Хотя это, скорее, неправда. Но зато несомненная правда заключалась в том, что прозрачный теплый арихальк рос все-таки не так быстро, как того требовали нужды многочисленных жителей острова, и поэтому рудники по его добыче с каждым годом становились все глубже и глубже. Да и как иначе? Питье из арихалька, еда из арихалька. Одежда, подковы, манускрипты, погремушки, катапульты, кнуты…

Усталый человек поднялся с трона и подошел к окну. Везде, куда ни глянь, то есть до самого моря, а кое-где уже и по морю раскинулся великий город Арихальк, построенный из арихалька. Время было вечернее, и горожане отдыхали от умеренных трудов, а у входа в гавань вспыхнул арихальковым светом маяк. Горел он для того, чтобы отпугивать Бородатого Змея и одновременно с тем заманивать доверчивых варваров – арихальковые рудники, как я уже говорил, в те годы непрестанно расширялись.

А если они – рудники – вдруг иссякнут?

Усталый человек отвернулся от окна и посмотрел на еще крепкого и жилистого старика, одетого в темно-серый хитон из грубо-тканого арихалька. Старик сидел на массивной скамье у стены и болезненно щурил свои маленькие черные глаза. Он, как и всякий колдун, чурался солнечного света, зато, как говорят, отменно видел в темноте. Их сотни, этих непонятных, добровольно ушедших под землю упрямцев. Но, как говорится, каждый волен в выборе своей судьбы. Тем более, что колдуны необходимы острову.

Как я уже упоминал, работа на арихальковых рудниках была весьма трудна и изнурительна. Рабов, и тех ежевечерне поднимали наверх, чтобы они могли увидеть небо и хоть немного отдохнуть, лежа вповалку на траве. А колдунам даже этого не было нужно – они порой целыми годами не выходили из подземных штолен. Что их там держало, колдуны не могли объяснить. Быть может, колдовство – это болезнь? Возможно, но тогда эта болезнь весьма полезная – ведь колуны стерегли арихальк. Да-да, не удивляйтесь; арихальк уже не раз пытался скрыться, уйти от людей. Происходило это так: ночами, лишь только рудники пустели и в них становилось тихо, как арихальк сразу начинал беспокойно трещать, пласты его коробились, вздымались – и штольни рушились, колодцы заваливались и, тем самым, доступ к арихальковым пластам надежно преграждался. Но если и после окончания работ кто-то оставался в руднике,

если всю ночь волшебный камень слышал рядом чье-то дыхание и ощущал, что рядом с ним, живым, есть еще одно живое существо, то он не уходил. Арихальк не желал быть убийцей – по крайней мере, так это объясняли колдуны, – а лишь стонал, что было к непогоде, или шептал далеким непонятным голосом.

Вот так теперь и этот, на скамье, едва заметно шевелит губами – как будто он один в пустынной галерее, и он сторожит арихальк. Сейчас-то старика почитай что не слышно, зато всего лишь час назад…

Колдун сказал, что арихальк умирает – его будто осталось слишком мало, он будто очень ослабел, и поэтому расти ему, такому, с каждым днем становится все трудней и трудней. Так что пора, так утверждал колдун, пока не поздно прекратить добычу арихалька. Мало того, нужно немедленно покинуть рудники – всем, и рабам, и колдунам. Как только это будет сделано, штольни немедленно рухнут, рудники завалятся, и арихальк спасется, и это, с жаром утверждал колдун, будет весьма и весьма справедливо, ведь арихальк…

Смешной, глупый старик, с раздражением думал правитель. Мир изменить нельзя. Ну и оставим рудники, ну и спасется арихальк, а дальше что? А то: пройдет еще пять, десять лет… Да пусть даже пройдут столетия – и все равно когда-нибудь один из землепашцев вдруг увидит, что у него на поле появился диковинный прозрачный камень, удивится – и все начнется сначала! Но это будет еще очень и очень нескоро. А вот зато прямо сейчас, стоит только им лишиться рудников, как остров тут же обнищает, маяк погаснет, из моря выйдет Бородатый Змей…

Нет, ни за что! Тем более, что при желании усталый человек мог рассмеяться и сказать, что страхи колдуна беспочвенны, ибо на главном руднике, ближайшем ко дворцу, еще три месяца тому назад пробили толстый пласт псевдогранита и вышли на совсем другой, горячий арихальк. Да что горячий – мягкий, пышный, поднимающийся как тесто! Вот из него теперь и лепят эти сладкие душистые лепешки, вкусив которых воины сразу становятся значительно воинственней, рабы раболепней, мудрецы мудрей, а деспоты…

И тем не менее усталый человек молчал. Он был неразговорчив с теми, кто был ему неприятен.

Старик, напротив, вновь заговорил. Он повторил, что вот уже вторую ночь во вверенной ему галерее происходит весьма тревожное явление: волшебный камень плачет. То есть плача как такового не слышно, просто на стенах выступают слезы, которые, возможно, вскорости прольются по горькой судьбе ныне счастливого острова. И что тогда?!

Усталый человек поморщился и нехотя сказал, что он весьма обеспокоен его, колдуна, сообщением, а посему он более не даст губить чудесный арихальк, коему город обязан столь многим, и что не далее как нынче вечером рабов – всех до единого – поднимут из всех забоев, а колдунов… везде оставят. Ведь арихальк – живой; поэтому как знать, что с ним будет, если его вдруг оставить одного. Не так ли?

Колдун пал ниц перед усталым человеком и стал его благодарить – витиевато, выспренне… Но тот опять поморщился и знаком дал понять, что аудиенция окончена.

Колдун тотчас вскочил, откланялся и вышел. Колдун был несказанно рад. Ведь он, признаться, даже и не мечтал о том, что правитель сразу прислушается к его словам. Он думал, что ему придется много и долго доказывать, объяснять, и, может, даже, кое-чем запугивать… И вдруг такое счастье – к нему сразу прислушались, ему поверили и даже уже приняли вполне разумное решение! Возвратившись к себе в галерею, старик долго не мог успокоиться. Он то ложился, закрывал глаза и уже начинал засыпать… то вдруг опять вставал, дрожащими руками трогал арихальковые стены и шептал, что наконец все кончилось, скоро наступит тишина, которая способна излечить любую, даже самую тяжелую болезнь. Волшебный камень словно понимал его слова; в ту ночь он почти не стонал. И даже слезы, как казалось колдуну, капали со сводов галереи намного реже прежнего.

А утром послышались чьи-то шаги. Но это были не рабы. Рабы спускаются в штольню шумно, топоча и переговариваясь, а тут кто-то несомненно хотел, чтобы его не услышали. Ну что ж, пусть так! Колдун резко поднялся и, крадучись, двинулся навстречу подозрительному незнакомцу… Как вдруг огромный, гладко вырубленный камень бесшумно отделился от свода, так же бесшумно упал вниз и накрепко, без единой щели, запер выход из галереи. Подобными камнями надсмотрщики обычно останавливали взбунтовавшихся рабов – стоило только нажать на потайной рычаг. Рабов – это понятно, но его, служителя! Кто это сделал? Зачем?!

Шло время. Камень не сдвигался и не поднимался. Значит, это падение не было случайным, допущенным по чьей-нибудь оплошности, а колдуна намеренно заперли в галерее. И, судя по всему, сделал это кто-то из надсмотрщиков. Вот только кто ему такое приказал?! И, опять же, зачем? Колдун присел возле стены и затаился. В шахте было совершенно тихо.

Но вдруг до колдуна донесся говор многих голосов и топот. Это рабы спускались в галерею. Затем послышались тяжелые удары – по арихальку застучали заступы. День начался, добыча

камня продолжалась. Теперь колдун уже не сомневался – правитель обманул его. То есть он не только не прислушался к его словам, но еще и велел, чтобы его, словно взбунтовавшегося раба, заточили в брошенной штольне. Так что пусть он теперь сколько хочет и о чем хочет кричит, бьется головой о камни – никто не обратит на это ни малейшего внимания. Поэтому колдун по-прежнему сидел, не шевелясь. Стучали заступы. Время от времени были слышны грозные оклики надсмотрщиков. Колдун молчал. Гнева он уже не испытывал. Да и на кого ему было гневаться? На правителя, главной заботой которого было поддержание на острове исстари заведенных обычаев? Или на островитян, его подданных, которых эти обычаи вполне удовлетворяют? А что им взамен предлагает колдун?! И поэтому разве могли они к нему прислушаться, пусть даже правитель не заточил бы его здесь, а позволил бы выйти на Главную площадь и обратиться к ним всем сразу?! Да они бы его разорвали, вот что! Потому что ни один из них не захотел бы добровольно отказаться от обладания волшебным камнем. Ведь что они умели кроме обработки арихалька? Ничего. Стране, богатой арихальком, вовсе не нужны ловкие и умелые мастеровые, все делалось самом собой, не нужно было никаких усилий для исполнения любых желаний. Вот почему колдун, пытавшийся лишить их благоденствия, был тотчас же наказан. Значит, правитель по-своему прав. И его подданные тоже.

День кончился. Затихли заступы. Рабы, покорно топоча, прошли наверх, и в галерее вновь стало тихо, лишь со стен то и дело капали невидимые слезы. Колдун лежал не шевелясь и сдерживал дыхание. Возможно, арихальк подумает, что в галерее пусто, и уйдет. Тогда забой обрушится, и колдуну не нужно будет ждать тягостной и мучительной смерти от удушья, а все случится достаточно быстро…

Но арихальк не уходил! Что это значило? Всегда, лишь только люди покидали штольню, арихальк сперва обиженно ворчал, потом стонали камни, сыпался песок, трещала твердь… А здесь совсем не то – молчание. Колдун обеспокоенно огляделся по сторонам, подошел к стене – и не увидел былой бездонной прозрачности арихалька. Обычно по глубине этой самой прозрачности он определял силу залегания пласта и указывал рабам, где и сколько рубить. Теперь же арихальк был тускл, и колдун видел не больше рабов. Вот почему он неуверенно, словно слепой, протянул вверх руку… И вскрикнул от боли! Арихальк был горяч, как и на том, на главном руднике. Там из горячего сладкого камня вот уже третий месяц лепили те самые лепешки, которые особенно пришлись по вкусу воинам, рабам и деспотам.

Там горячий арихальк всех радовал. А здесь колдун сразу подумал, что жар – это агония. Тем более, что слезы с волшебных камней уже не капали – они катились градом… Нет! Колдуну уже казалось, будто где-то совсем рядом с ним грохочет стремительная горная река! Так неужели то, чего он так боялся, началось?! Колдун, не выдержав, зажал руками уши. В галерее стало нестерпимо жарко; еще совсем недавно тусклый арихальк вдруг налился багровым светом и начал трескаться, а стены выгибаться, пол задрожал под ногами. Колдун метнулся в сторону, вцепился в камень… и повис над пропастью, из которой полыхнул совсем уже невыносимый жар, заливший галерею ядовито-желтым светом. С трудом пристроившись на выступе скалы, колдун глянул вниз…

И увидел там яростно бурлящую земную кровь!

Земная кровь – это редкое и крайне зловещее зрелище. Пока земля здорова, мы эту кровь не видим – она клокочет где-то очень глубоко, в земных недрах и, согревая твердь, дарует жизнь всему живому. Но когда земле наносят рану…

Так было и тогда – кровь быстро прибывала. Вскоре она до краев заполнила пропасть, а кое-где ее первые слабые ручейки уже начали растекаться по галерее. Арихальк от соприкосновения с кровью жалобно стонал и испарялся – кровь поглощала арихальк. Вот, значит, оно как! Но это пока здесь, внизу. А что будет, когда земная кровь заполнит собой весь рудник и хлынет в город, созданный из арихалька? О, ужас! Нужно их скорей предупредить! Но ведь он замурован! Что делать?!

И тут огромный камень, запиравший галерею, стал понемногу оседать, растворяясь в огнедышащей крови, над ним образовался узкий лаз. Колдун с трудом протиснулся в него – еще, еще усилие – и заспешил наверх. Ступеней было много, лестница крута и силы быстро покидали старика, бурлящие потоки стремительно вздымались вслед за ним, но он все-таки успел…

Но, правда, лишь затем, чтобы увидеть, как земная кровь, хлеставшая из главного рудника, неотвратимо стекала на город. Над островом, окутанным ярко-зеленым дымом, было светло как днем. Часть города уже расплавилась, исчезла в бушующей земной крови, но еще можно было добежать до гавани, а там до корабля – и толпы обезумевших островитян бежали в порт и осаждали корабли, которые поспешно поднимали якоря и уходили в ночь, за горизонт.

Только колдун никуда не спешил. Он просто стоял и смотрел на всё это. Бежать, спасаться, умолять, чтобы его пустили на корабль? Ну, нет! Единственный, кто мог предупредить несчастье, не имеет права на спасение. Так тогда думал колдун…

Как вдруг огромная, намного выше города волна обрушилась на остров и, уходя, увлекла колдуна за собой. Несчастный крикнул, захлебнулся, стал неистово барахтаться в водовороте…

И очутился на спине большой шершавой рыбы, плывущей по бушующему морю. Рыба загнанно поводила боками и то и дело оглядывалась на исчезавший в огне город. Глаза у рыбы были синие, ресницы длинные, густые, а борода косматая и черная, местами тронутая сединой. Так это ж Бородатый Змей! Колдун дрожащими руками впился ему в спину и зажмурился от ужаса. Змей закричал, перевернулся на бок, ударил хвостом по воде и нырнул. Колдун вцепился в Змея из последних сил и потерял сознание…

А утром обессиленный, наполовину захлебнувшийся в волнах, он был подобран кораблем, спасавшемся из Арихалька.

На третий день корабль был выброшен штормом на берег и там распался на куски, расплавился и испарился – арихальк, едва коснувшись чужой земли, бесследно исчез. Тоже самое случилось с арихальковыми одеждами, копьями, монетами и многим и многим другим. Чтобы хоть как-то выжить на новом, совершенно незнакомом для них месте, беглецы, смирившись, были вынуждены перенять тамошние варварские нравы: одни из них занялись ремеслами, другие земледелием. И лишь один колдун, не пожелавший знаться с дикарями, скрывался в неприступных скалах и неустанно заносил на глиняные таблички историю великой катастрофы. Где и когда он встретил свою смерть, никто не знает, да и таблички были найдены случайно. А глина – это тот же арихальк; она не вечна, тем более, что колдун ее не обжигал. Вот потому-то первый, кто нашел его труды, прочел не все, и где чего не понял, там добавил от себя. Примерно точно также поступали потом и другие. Так что теперь, спустя четырежды по триста лет, всякий о случившемся толкует как ему угодно. Поэтому и я сейчас поведал вам лишь то, что слышал, а не то, что видел.